

18+

Лидия ЗИМОВСКАЯ

ОДУВАНЧИК

Лидия Федоровна Зимовская
ОДУВАНЧИК. Повесть о
мальчике, родившемся через
2 года после смерти отца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63831107

ISBN 9785005317803

Аннотация

Повесть «Одуванчик» впервые опубликована в сборнике «Птица счастья с опаленными крыльями». В этой книге – новый финал. В 20 лет у ее единственного сына обнаружили рак. 8 лет мать боролась за его жизнь. После смерти сына снова борьба. В израильской клинике хранится его сперма. В 90-е годы вывезти сперму из чужой страны, найти донорскую яйцеклетку, суррогатную мать, врачей, которые бы взялись за незаконную процедуру – фантастика. У нее получилось. Через 2 года после смерти отца родился мальчик.

Содержание

ОДУВАНЧИК

5

Конец ознакомительного фрагмента.

39

ОДУВАНЧИК
Повесть о мальчике,
родившемся через 2
года после смерти отца
Лидия Федоровна
Зимовская

© Лидия Федоровна Зимовская, 2021

ISBN 978-5-0053-1780-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОДУВАНЧИК

Повесть о мальчике, родившемся через 2 года после смерти отца

За окном было темно. Екатерина Андреевна включила настольную лампу. Часы показывали половину шестого. Голова не была затуманена похмельем, хотя на столе стояла пустая бутылка из-под коньяка, как вчера, как позавчера, как месяц назад. Ей приснился отец. Он не снился ни разу за все десять лет, что его не стало. Не снился в самое тяжелое время, когда умер Денис – ее сын, ее кровиночка. Сыну было всего двадцать семь лет, восемь из которых они боролись с тяжелой болезнью. Проклятая опухоль оказалась сильнее материнской любви. Екатерина Андреевна потеряла всякий смысл в жизни. Приезжали сестры, пытались как-то ее поддержать. Она слушала и не слышала их. С утра доставала водку или коньяк – что попадалось под руку. Садилась в кухне, бессмысленно глядя в стену или в окно. Она потеряла счет выкуренным сигаретам и выпитым рюмкам. Обволакивающий туман как будто навечно поселился в ее мозгу.

А сегодня голова была светлая. Она ясно, до мельчайших подробностей, помнила сон, хотя он был путанный. Катя с отцом в комнате, в их родном доме на окраине рабочего городка. Все, как в детстве. Отец сидел за столом, под тусклой

лампочкой, читал газету. За окном бушевала метель. Катя озябла в своей модной кофточке. Она тихо встала с дивана, подошла к печи и прижалась к ней спиной. Тепло разлилось по телу. На кухне мама гремела противнями, доставая пироги из русской печи. Сейчас звонким голосом позовет: «Андрей Егорыч, Катерина, пироги готовы!». Они пойдут в кухню, нальют большие кружки чаю с мятой. И, не дожидаясь, пока пироги дойдут под полотенцем, Катя схватит самый жаристый, обжигая пальцы и губы, откусит большой кусок.

Вот отец положил очки и внимательно посмотрел на Катю из-под нахмуренных бровей. Уже став взрослой и самостоятельной, она побаивалась, когда отец смотрел вот так сердито: значит, она в чем-то провинилась. Сурового взгляда Андрея Егоровича Дубровина боялись и на заводе. На своих учеников опытный кузнец голоса не повышал. Но если кто-то лодырничал или, того хуже, опаздывал хоть на минуту, одного сурового взгляда было достаточно, чтобы вспомнил о дисциплине.

Андрей Егорович очень любил свою старшую дочь. За настойчивый Катин характер, как у него самого, за то, что добилась всего, к чему стремилась – кандидатскую защитила, в институте преподавала, теперь вот школу свою открыла. Да просто любил за то, что она его дочь. Катя не помнила, чтобы отец когда-то обнял ее или поцеловал. Не приняты были в их семье нежности. Но рядом с отцом всегда было спокойно, надежно, она знала, что он очень любит ее, хотя слова

этого никогда не говорил. И она любила его. Улыбка на лице отца разгладила нахмуренные брови. В такие минуты Кате хотелось обнять отца и прижаться к колючей щеке. Но она сдерживалась: слишком взрослая, чтобы показывать телячьи нежности. Сдержалась и сейчас. Только с глубоким вздохом из груди вырвалось тихое: «Папка!».

Что-то щелкнуло, и будто сменились кадры в кино. Сон был совсем другой. Катя сидела с мамой на крылечке. В палисаднике доцветала сирень, и дурманяще пахло цветами. Сразу за домом была большая, вся в одуванчиках, поляна, а вдалеке темнел лес. Через поляну к ним неторопливо шел отец. Впереди дедушки бежал Дениска – совсем маленький. Летом Екатерина всегда забирала сына из городского садика и отвозила к родителям. Они часто вот так сидели с мамой на крылечке, всматривались вдаль и ждали, когда Андрей Егорович с Денисом вернутся с рыбалки или из лесу с грибами. Потом вместо Дениски рядом с отцом оказался незнакомый мальчик – худенький, головка в пшеничных кудряшках. Одуванчик. Ангелочек с рождественской открытки. Отец крепко держал малыша за руку. «Вот, Катя, внук твой. Когда он родится, назови его Егором, как твоего деда». Андрей Егорович легонько подтолкнул мальчика ей навстречу. Она протянула руки и проснулась.

Все увиденное во сне светлым лучиком пронеслось в памяти. И тут же всю ее заполнило неизбежное горе: Денис умер. Его нет два месяца и... Сколько дней? Двадцать три.

Теперь у нее другая дата отсчета – не жизни, а смерти. Раньше она едва ли раз в год навещала могилу отца. А после похорон сына поехала в город, где родилась, долго стояла у холмика со скромным памятником. Ей хотелось умереть, и пусть ее положат вот здесь, рядом с отцом, под высокой елью, ветки которой так грустно шумят на ветру. Или рядом с сыном, за триста километров отсюда. Екатерина Андреевна не могла понять, почему до сих пор не наложила на себя руки. Может, потому, что так и не решила, с кем рядом остаться – с отцом или сыном. Она не вспоминала о сестрах и старенькой матери, даже не задумывалась, что, пережив столько потерь, смерти своей Кати мама не переживет.

Екатерина Андреевна пыталась забыться в работе. На какое-то время это удавалось. Только вечером, в большом доме, который строила для сына, оставалась одна. Из всех углов выползала тоска. И тогда ничего не оставалось, как утопить ее в бутылке. Екатерина Андреевна понимала, что так ее конец будет некрасивым – она умрет от пьянки. Ей было наплевать на себя. Утром, чтобы унять головную боль от похмелья, доставала новую бутылку. В школу шла, уже выпив. Учителя прятали глаза, встречая утром пьяного директора. Потом она вообще перестала ходить на работу. Телефон трезвонил, отвлекая ее от воспоминаний о сыне. Однажды она бросила его в стену, телефон разбился и замолчал. Нет, ее не оставили в покое. Кто-нибудь из учителей стучал в дверь ее дома. Она открывала, только чтобы сказать: «Оставьте ме-

ня в покое. Я болею. Решайте все сами, как хотите». Наверное, другого коллегам и не надо было: только удостовериться, что она еще жива. Никто не в силах был вернуть ее к жизни, поскольку она не хотела этого сама.

Сегодня Екатерина Андреевна проснулась с ясной головой. Она поняла, что пить больше не может. Машинально умылась. Поставила на плиту чайник. Засыпала в кружку две ложки кофе. Залила кипятком. Кофе остался на столе. По привычке подошла к кухонному окну. Смотрела в темноту, едва различая в свете уличного фонаря голые озябшие на морозе деревья. Выкурив одну сигарету, доставала из пачки новую. Отец приходил к ней во сне не просто так. Он хочет ей помочь. Надо только хорошо подумать и понять, от чего отец предостерегает ее, что значит этот необычный сон.

Андрею Дубровину пришлось идти на завод мальчишкой. Тогда, в начале войны, многие его сверстники бросали школу и зарабатывали на хлеб. Отца забрали на фронт, зимой сорок первого пришла похоронка. Мать болела. Оставалась одна надежда – на Андрея, старшего из троих детей. Сначала его поставили учеником к слесарям. Но подростка завораживал грохот молотов в кузнечном цехе и то, как лихо мужики поворачивали болванку и так и эдак, пока она не принимала нужную форму. Он просился к этому исполинскому молоту, но начальник цеха отмахивался: мал еще. Потом сдался. Парень был широкоплечий и рослый не по годам. Так что в шестнадцать лет попробовал, что такое на-

стоящая мужская работа. Это бывалые мужики управлялись с болванкой играючи. У парнишки уже через полчаса клещи вывалились из рук. «Ничего, – подбадривал наставник, – привыкнешь». Не таков был Андрей, чтобы сдаваться. Стискивал зубы и старался не отставать. А ночью ныли руки, он и во сне стискивал клещи, боясь выронить их. Уже через год он стал настоящим мастером. Играючи поворачивал под молотом болванку. Откуда и силы брались, ведь питались хлебом да картошкой. Весной и картошки осталось мало. Был соблазн всю доест. Но стерпели, засадили огород. Зато осенью, когда поспел урожай, наелись досыта.

Молодняк присылали на завод постоянно. Большею частью это были мальчишки и девчонки из деревень. Они обращались к Дубровину по имени-отчеству – Андрей Егорович, хотя был он их чуток постарше. Получив повестку на фронт, Андрей, обрадованный, прибежал в конторку к начальнику цеха. Тот остудил его: «Ты уйдешь, у меня цех встанет». Мы тут не игрушки делаем, а технику для фронта. Иди, работай. С военкоматом без тебя решим». Одним словом, так до конца войны и пропахал Андрей Егорович в своем кузнечном – без выходных и отпусков. Да и потом не ушел, прикипел к цеху.

Анечка появилась на заводе после войны. Только окончила школу. Взяли ее в лабораторию. Андрей встретил ее возле проходной и раз, и два. Запала в душу девчонка, как ни одна до нее. Обобел силач Дубровин. Но сильнее испу-

гался, что кто-нибудь опередит и уведет красавицу. Разузнал, где работает, да и зашел в лабораторию, как будто по делам. Женщины понимающе улыбались, одна Анечка не догадалась об уловках парня. Ну, а раз познакомились, так при «случайной» встрече заговорить было просто. Вскоре поженились. Ане только восемнадцать исполнилось.

В родительском доме было тесно, уже брат и сестра подросли. Андрей решил: не будь он Дубровин, если для своей семьи домом не обзаведется. Да только денег-то взять негде. Собрал все, что мог, в долги залез. Новое жилье давно никто не строил, да и старого продавалось немного. Нашли скромный домик на окраине города. Но и этому были рады – свое гнездо. А как радовались первенцу – сын родился! Умер мальчик от полиомиелита, всего несколько месяцев прожил. Судьба как будто взялась испытывать Дубровиных. Зимой Андрей, всю войну не чихнувший, простудился и так сильно болел, что Аня еле выходила его. Андрей уже еле дышал от воспаления легких. Откуда смелость взялась у девчонки, до директора завода дошла, выпросила, чтобы достал пенициллин. Потом дом чуть не сгорел. Замкнуло проводку. Хорошо, на глазах все случилось. Андрей не растерялся, щиток отключил. Загоревшиеся провода одеялом закрыл. Стенка обгорела. Но ничего, потихоньку отремонтировали.

Беда была в другом: после смерти сыночка детей у них не было. Видел Андрей: молчит его жена, но сильно переживает. Уговорил ее идти учиться. В вечернем техникуме Аня

повеселела, училась с удовольствием, в гости часто заходили ее однокурсницы. Еще до защиты диплома перешла в цех, а как окончила учебу, поставили экономистом – по специальности. Все счастливые события затмила несказанная радость – родилась дочка, Катенька. И после, как награда за веру и терпение, ровно через три года появлялись на свет один за другим дети – две дочери и сын.

После войны окраина, где жили Дубровины, стала быстро застраиваться пятиэтажными домами. Где-то там, в Москве, решили на месте старого завода возвести промышленный гигант. Приезжали со всех концов рабочие и специалисты с семьями. Они и заселяли высотные дома. Но старожилов не тронули. Так и остался рядом островок из двух десятков частных деревянных домиков. По-прежнему сразу за огородом Дубровиных простирался луг, и неподалеку виднелся лес.

В новом микрорайоне построили школу. Сюда в первый класс определили Катю Дубровину. То ли по ошибке, то ли по случайности она попала в класс, где собрали детей заводских начальников, городских руководителей, врачей, учителей. На их фоне Катя выглядела Золушкой. Школьное платье мама сшила из дешевой вигони. Ткань на локтях быстро проносилась. Заплатки тоже моментально рвались. Но и в семьях с достатком чаще всего мамы были экономны. Так что не одна Катя ходила в черных сатиновых нарукавниках, скрывавших заплатки. И туфли, и пальто у нее были намного

скромнее, чем у одноклассниц. Завидовала она девчонкам? Совсем немного и совсем недолго. Малышка-первоклассница Катя поняла, что учителя выделяют тех, кто хорошо учится. Природа и родители наделили ее способностями и упрямым характером. Екатерина Дубровина должна быть круглой отличницей, самой первой во всем. И она училась, занималась в кружках и спортивных секциях.

Лидером ее признали еще в младших классах, девочки из самых важных семей искали ее дружбы, непременно приглашали на дни рождения. Катя приходила в гости к подружкам, в квартирах которых были балконы, из кранов текла горячая вода, в красивую полированную мебель можно было смотреться, как в зеркало. В такие минуты к Кате снова возвращалось смущение из-за бедности, в которой жила ее семья. Дубровины все еще ютились в старом доме. На полу вповалку спали все три сестры. И только новорожденный братишка сопел в качалке рядом с родительской кроватью.

Андрей Егорович Дубровин, как когда-то для молодой жены Анечки купил собственный дом, так и сейчас для своей большой семьи выстроил новый. Не в раз дались хоромы, которые задумал хозяин. Были бы деньги, так за лето поднялся бы дом. Но в том-то и дело, что приходилось рублик к рублику складывать, экономить на всем, до почти всю стройку тянуть на своих плечах – после работы на заводе да в выходные дни. И все же через два года, как заложили первый камень в фундамент, въехали Дубровины в новый дом. Старый

рядом с высокими хорами выглядел дряхлой избушкой. Всею семьею весело ломали и пилили его на дрова. У Кати появилась своя комната – маленький закуток за печкой, где было тепло и уютно, куда вечером, перед закатом, в окошко заглядывало солнце. Был в новом доме зал, где за большим столом собиралась ужинать вся семья. А когда была убрана посуда, Андрей Егорович садился за стол под самой лампочкой и читал газеты. Жена его, Анна Николаевна, устраивалась рядом с вязанием или шитьем.

Такой дом и подружкам показать не стыдно. День рождения у Кати в середине декабря. Никогда в семье Дубровиных рождение детей особо не отмечали. Обычно мама в такой день варила кашу на молоке. Подавая имениннику тарелку, приговаривала: «Живи столько лет, сколько крупинок в каше». Виновник всеобщего внимания был рад, а о каких-то подарках даже не думал. А тут в свой день рождения Катя придумала: позвала в гости весь класс вместе с учительницей. Была суббота. Анна Николаевна с утра хлопотала по хозяйству. Перед уроками Катя огорошила родителей известием, что после занятий одноклассники придут праздновать ее день рождения. Анна Николаевна руками всплеснула: в доме запасов нет, лишних денег тоже. Бросилась скорее тесто заводить. Одним словом, в грязь лицом Дубровины не ударили. Накормили дочериних гостей пирожками с разными начинками: с морковкой, с капустой, с картошкой. Ребята упивались за обе щеки да нахваливали: пироги у Анны Нико-

лаевны всегда удавались. А потом еще чай с шоколадными конфетами и печеньем пили, румяными яблоками похрустывали. Вкусно было всем и весело. Катя от гордости голову задрала: вот так, не хуже других Дубровины могут гостей принимать.

Ушли подружки, тут и досталось Катерине от родителей. Отец сдвинул брови:

– Еще назовешь гостей без разрешения, выпорю. Мать все запасы, что к Новому году делала, на стол выложила. По твоей милости малышня на праздник без гостинцев останется. Заранее сегодня полакомились.

Так что день рождения закончился для Кати слезами. Зато какой подарок девочки ей принесли! Эту красивую чашку с блюдцем она столько раз рассматривала в универмаге, не смея даже попросить продавщицу дать подержать в руках это тонкое фарфоровое чудо. Чашка и сейчас цела, стоит в буфете у мамы на самом видном месте. Ее всегда достают, когда Екатерина Андреевна приезжает в родительский дом.

В комсомол Екатерина Дубровина вступила одной из первых в классе. Как только ей исполнилось четырнадцать лет, подала заявление. Строгое сито школьной организации и горкома комсомола проходила не без дрожи в коленках. Но там и там голосовали единогласно: имя школьной активистки уже было известно. Где только ни выступала Катя! Играла главные роли в драматическом коллективе. Танцевала в ансамбле народного танца. Высокая красивая девушка

хорошо смотрелась и в роли ведущей праздничных концертов. Бегала за класс на лыжах и в атлетических кроссах. Так что, кого рекомендовать в комсорги класса, и вопрос не стоял. Конечно, Катю Дубровину.

Со всей своей бурной общественной работой об учебе Катя не забывала. То есть совсем наоборот, учеба всегда стояла на первом месте. Катя была упрямая. Если не может решить заданную на дом задачу по математике, до ночи будет сидеть, полтетради на черновики исчеркает, пока не найдет ответа. А уж если у нее не получится, то наутро в школе выяснится, что никто из класса не мог решить. Способности к точным наукам у нее были отличные. Только саму ее больше увлекали история и литература. Первая, пожалуй, даже больше. Это и определило выбор будущей профессии. После школы Екатерина отправила документы в университет на исторический факультет.

До сегодняшнего дня у Кати Дубровиной все получалось. А тут осечка: не добрала одного балла. Вступительные экзамены сдала хорошо, не на одни пятерки, конечно. Была уверена, что поступит. А когда не увидела своей фамилии в списке зачисленных, подумала, ошибка. В приемной комиссии разъяснили, что нынче проходной балл небывало высокий. Посоветовали приехать на будущий год.

Первое поражение в жизни было настолько сильным, что Катя вернулась домой в слезах. Ей, вечной победительнице, было стыдно перед папой и мамой, перед одноклассниками,

перед учительницей истории, надежды которой не оправдала. А та успокоила:

– Вытри слезы. Год поработаешь, подготовишься, как следует, и поступишь. А на работу к нам в школу устраивайся. В этом году нам дали вторую ставку старшей пионервожатой. А на самом деле будешь освобожденным секретарем комсомольской организации школы. Работа тебе знакомая. Я как секретарь партийной организации о таком помощнике и не мечтала. Так что твой провал в университет лично мне, Катя, оказался на пользу, – пошутила учительница.

Неудача с поступлением поджидала не одну Катю Дубровину. Кое-кто тоже вернулся ни с чем. А полкласса сразу пошло в техникумы и училища поближе к дому. Так что сверстников в городе осталось немало. И теперь уже они были не школьники, а совсем взрослые люди.

С какой гордостью Катя принесла в дом первую получку! Деньги небольшие, а все же зарплата. Катя по-прежнему успевала делать миллион дел. Ее школьную комсомольскую организацию ставили всем в пример. Она делилась опытом с трибуны городской комсомольской конференции. И в зале ей аплодировали солидные мужики с завода, которым было уже по двадцать с лишним лет. Но Катя и на танцы в дом культуры каждый выходной с подругами бегала, и ни одного нового фильма не пропускала. И, конечно, готовилась к новым вступительным экзаменам.

Весной Катя вдруг испугалась: а ну опять не поступит?

И сдала документы на заочное отделение, там конкурс всегда меньше. Год занятий даром не прошел. Экзамены абитуриентка Дубровина сдала почти на одни пятерки. В начале лета ее одноклассники еще тряслись от страха перед второй попыткой поступить в вузы, а она уже была студенткой исторического факультета. С чистой совестью она оформила отпуск и уехала на полтора месяца на Черное море. О море она мечтала всю жизнь. Теперь могла себе позволить и дальнюю поездку, и недешевый отдых на юге в разгар сезона. Она заработала на первый отпуск сама. И моральное право на беззаботное купание в море она тоже имела, ведь университет теперь был покорен.

Загорелая, красивая, счастливая, в конце лета Катя вернулась домой. В городе было пустынно, потому что почти никого из ее одноклассников не было. Провалившиеся в прошлом году, как и она, поступили учиться кто куда. Это ей рассказала одна из подружек, которую случайно встретила на улице. Да и та спешила: на днях надо уезжать к месту учебы, а вещи еще не собраны.

Катя затосковала. Это что же получается: все уехали, будут жить в большом городе, а она тут останется одна? Ей тоже так хотелось учиться на дневном отделении! Она всегда принимала решение быстро. Вот и сейчас, не раздумывая, уволилась с работы, запаковала чемодан и отправилась в университет. Ночь в поезде не остудила ее решимости. Катя сразу отправилась к декану факультета. Нет, просить пе-

ревести ее с заочного отделения на дневное она не стала, понимала, что это невозможно. Она попросила разрешения посещать лекции вместе с очниками. Декан подумал, что ничего такого он не нарушает, и разрешил странной студентке ходить на лекции, но сразу предупредил, что большего ей не обещает. Катя пока ни о чем другом и не просила, ведь первую победу она одержала. А вообще-то рассчитывала, что все экзамены сдаст на пятерки, и ее обязательно переведут на очное отделение.

Жить пришлось на частной квартире. Адрес дала комендант университета. Старый квартал тесно прижавшихся друг к другу домов был в центре города. Катя первый раз попала в такую квартиру. Коммуналка располагалась сразу на двух этажах. Внизу была кухня и две жилые комнаты. Крутая узкая деревянная лестница вела наверх. Над кухней располагалась большая ванная, совмещенная с туалетом. В одной из двух комнат наверху и предстояло жить Кате. Хозяйкой была высокая худая старуха, без улыбки ответившая на ее приветствие. Трудно представить, как на малюсенькой площади разместились кровать, шкаф, стол, холодильник и диванчик в углу, который предназначался жиличке. Видно, старуха была жадной до денег, раз решила терпеть у себя чужого человека, создавая себе неудобства в без того тесной комнате. Катя с первых минут ощутила себя здесь неловко, но выбирать не приходилось, ей просто негде было ночевать. Хозяйка объяснила правила, по которым предстояло жить,

разрешила пользоваться холодильником, выделила полочку в шкафу для продуктов и даже посуду. Неприятным сюрпризом стало то, что хозяйка установила «плату за диванчик» выше, чем сдавали другое жилье. Она объяснила это тем, что университет в двух шагах и Кате не нужно тратить на транспорт. Девушка не стала уточнять, что проездной билет стоит дешевле, чем сумма, положенная хозяйкой сверх обычной платы, и по городу ей все равно нужно ездить. Ну, что ж, придется меньше тратить на еду.

Сентябрь был теплым, и ночью форточку не закрывали. Каждое утро Катю будил стук колес первых трамваев, мчавшихся по главному проспекту еще не проснувшегося города. Ее удивляло, как хозяйка может спать под такой грохот. Но буквально через неделю и она перестала замечать шум большого города за окном. Пронзительные звонки трамваев только на секунду вырывали ее из сна.

Катя старалась как можно меньше времени задерживаться дома. Ее смущали молчаливые и, как казалось, недовольные многочисленные соседи. Она мышкой проскакивала в кухню, чтобы разогреть чайник, и невольно с облегчением вздыхала, если никого не встречала. Но все равно постоянно приходилось сталкиваться с жильцами коммуналки в местах общего пользования. Она говорила «здравствуйте» и быстро удалялась на свой диванчик. Ощущение, что живет в маленьком чужом мирке, не покидало. Самое досадное, что приходя сюда, она как будто съезживалась, чтобы стать неза-

метной. И только выйдя из подъезда на улицу, она становилась самой собой – уверенной, целеустремленной.

Она шла к открытию в читальный зал, набирала гору учебников и занималась. Обедала в студенческой столовой. Лекции начинались после обеда. А потом до закрытия читального зала опять занималась. Хорошо, что центральный гастроном, где Катя покупала продукты, работал допоздна. Правда, в булочной к вечеру разбирали студенческие батоны, а другие были дороже. Витрины гастронома соблазняли покупателей обилием продуктов. Катя проходила мимо пирамид из банок сгущенного молока и рыбных консервов, аппетитно расположившихся под стеклом колбас и, тем более, мимо красочных коробок шоколадных конфет. Ее отделами были молочный, где она покупала немного масла, бутылку молока или кефира, и бакалея, предлагавшая рожки и крупы, сахар и дешевый чай. Иногда Катя позволяла себе заглянуть в кафетерий. Здесь продавали мороженое в вазочках. Можно было полакомиться сладкими шариками с тертым шоколадом или орехами, в крайнем случае, политыми апельсиновым сиропом. Но Катя отводила глаза от ценника на мороженое и заказывала молочный коктейль – недорогой и очень вкусный.

Провожая Катю в университет, мама дала ей денег на зимнее пальто: «Твое старое сестра доносит. А ты теперь в большом городе будешь жить, нужно хорошо выглядеть. купишь в магазине или в ателье закажешь новомодное».

Небольшое ателье Катя случайно заметила в переулке, каких множество отъезжало от главного проспекта. Ей приглянулась одна ткань и, по счастью, только что завезли маленькие песцовые воротники. Приемщица предложила полистать журналы мод, изрядно потрепанные. Одна модель Кате понравилась. Вызвали закройщицу, она одобрила выбор девушки и сделала замеры. Вместе с приемщицей посчитали, во сколько обойдется пальто. Катя была счастлива: от маминых денег еще оставалось немного. Она попросила подождать всего минут двадцать и помчалась за деньгами, которые хранила в чемодане. Пальто сшили быстро. Уже в конце октября она принесла его домой. Долго примеряла под одобрение хозяйки, которая просила ее повернуться то одним боком, то другим. Теперь осталось дожидаться зимы, чтобы похвастаться перед однокурсниками.

Как всегда, из читального зала Катя вернулась домой поздно. И без того всегда неприветливая хозяйка с порога встретила ее нелепым обвинением:

– Ты украла у меня деньги. Они лежали на полке под простынями. Я вчера пересчитывала, все было на месте, а сегодня не хватает двадцать рублей.

Это были большие деньги – больше половины стипендии, которую получали студенты. Катя понятия не имела, где хозяйка хранит сбережения, и тем более ничего у нее не брала. Это она и ответила.

– Не ври. Я посмотрела в твоём чемодане, там ничего нет.

Только тут Катя увидела, что чемодан, который она обычно запихивала в узкую щель между стеной и диваном, стоит на полу, из-под раскрытой молнии выглядывает ее белье.

– Значит, ты забрала деньги с собой.

– Да у меня одна мелочь, от родителей перевод придет только на следующей неделе.

Катя достала из сумочки и открыла перед хозяйкой кошелек. Там было два бумажных рубля и немного монет.

– Ничего не знаю. Я спрятала твою пальто и не отдам, пока ты не вернешь двадцать рублей. Воровка!

Слезы брызнули у Кати из глаз. Она выскочила из комнаты, бегом спустилась по лестнице, за спиной громко шелкнул английский замок мрачной коммуналки. Ноги сами несли ее по темной мокрой улице. Куда деваться ночью в чужом городе? Спрятаться в подъезде какого-нибудь дома? Ехать на вокзал? К девчонкам, в общежитие! Подруги-первокурсницы успокоили ее, накормили ужином. Но здесь она тоже была чужая. Отчаяние навалилось с новой силой, и слезы снова покатились из Катиних глаз.

Общежитские порядки позволяли без церемоний заходить в гости в любое время дня и ночи. К девчонкам в комнату забрел парень со старшего курса, к тому же председатель общежитского студсовета.

– Эту красавицу я вижу в первый раз. И почему она у вас тут ревет?

Девчонки сбивчиво рассказали гостю, что случилось с Ка-

тей.

– Здорово, – почему-то обрадовался старшекурсник. – Старушенция совершила крупную кражу, забрав твое пальто. Так что иди в милицию, пиши на нее заявление. Хочешь, я завтра с тобой в милицию схожу?

Катя отрицательно покачала головой и насухо вытерла глаза носовым платком.

– У нас еще проблемка есть, – сказали девчонки. – Катя на вахте паспорт оставила. В одиннадцать часов вахтерша придет и выставит ее на улицу.

– Вот это точно не проблема. Или я не председатель студсовета? Сейчас принесу паспорт. Договорюсь, проживешь у девчонок недельку, если они не против.

Утром Катя поехала в милицию. Она здесь уже была, когда по заявлению квартирной хозяйки оформляла временную прописку. Прежде чем подойти к окошку дежурного, долго сомневалась. Но выхода не было. Дежурный назвал ей номер кабинета, куда следует обратиться. На дверях было написано: «Следователь». Катя робко постучала и вошла. За столом видела молодая женщина, чуть постарше ее. У Кати разом прошли страх и робость. Она четко изложила суть происшедшего накануне вечером.

Следователь, как и председатель общежитского студсовета, тоже почему-то обрадовалась.

– Сейчас все это изложите в заявлении. Вашу пенсионерку еще и посадить могут. Думаете, это первый случай? Поселят

у себя студенток из провинции, вот таких напуганных большим городом первокурсниц. Потом придумают, что пропали вещи или деньги. Припугнут милицией. Те со страху свои отдают, лишь бы выпутаться.

Пробежав текст заявления, следователь сказала:

– Напишите адрес, по которому с вами можно связаться. Может понадобится очная ставка. А вашей хозяйке завтра же направлю повестку.

Прошло всего несколько дней. Катя вышла из аудитории после лекции. У дверей стояла ее квартирная хозяйка.

– Забери пальто и свои вещи, – процедила она сквозь зубы, резко повернувшись и ушла.

Катя почти физически ощутила, как за старухой расстился шлейф ядовитой злобы. Она тряхнула головой, зажмурив глаза. Когда она их открыла, старухи уже не было. Мимо проносился председатель студсовета. Резко притормозил:

– Ты чего застыла? Потеряла чего?

Катя рассказала о неожиданном появлении квартирной хозяйки:

– Я боюсь к ней идти.

– Не трясись. Я схожу с тобой. Когда у вас лекции заканчиваются?

Спутник, мужчина, да еще старшекурсник, придал Кате уверенности. Она открыла дверь коммунальной квартиры ключом, который все еще оставался у нее. Открыть комнату, в которой жила, она не посмела. Постучала. Никто не отве-

тил. Постучала громче. Открылась дверь соседней комнаты, из нее выглянула соседка-старушка:

– Твоя хозяйка куда-то срочно уехала. Меня попросила передать тебе вещи. Ключи от квартиры тоже у меня оставь.

Оказавшись на улице, Катя рассмеялась. Ее спутник нес чемодан, Катя – новое зимнее пальто, перекинув его через руку. Они шли до трамвайной остановки, весело болтая ни о чем и обо всем на свете.

На следующий день Катя зашла к следователю и забрала заявление. Первое испытание жестокостью большого города, который готов перемолоть любого чужака в мелкий песок, Катя прошла. Она не обиделась на него, напротив, он почему-то стал ей роднее. Может, потому что, испытав, принял ее за свою.

Большой город открывал большие возможности, и грех было ими не воспользоваться. Она просто ездила в разные его концы, чтобы узнать, какой он. Останавливалась перед очередным величественным зданием. Кто его построил, в каком году? Скромная табличка не раскрывала секретов. Хотя в расписании первого курса не было краеведения, Катя решила, что будет изучать историю города, в котором теперь жила. А то какой же она историк! В музеи чаще всего удавалось пройти бесплатно – по студенческому билету. Ей были доступны областные и городские библиотеки с их богатыми книжными фондами. Хотя денег было в обрез, она выкраивала, чтобы сходить в театр.

Неуемный характер не позволял Екатерине ограничиваться одной учебой. Ее часто можно было видеть в тесной комнатухе факультетского комитета комсомола, она подключалась к многочисленным мероприятиям, идеи которых рождались в этих стенах. Одним словом, фамилия Дубровиной скоро стала известной на факультете от первого до последнего курса. Никому и в голову не приходило, что она посещает занятия на птичьих правах. Однокурсники узнали об этом, только когда во время сессии она присоединилась к группе заочников. Многочисленные друзья, которые появились в первые месяцы учебы, говорили:

– Катя, если надо, мы пойдем в деканат, будем просить за тебя.

Она держалась уверенно: сама справлюсь. Все четыре экзамена в первую сессию Катя Дубровина сдала отлично. Теперь все зависело от того, будут ли двоечники на дневном – кандидаты на отчисление. Удалось удержаться всем. Были особо способные, которым легко удавалось учиться в школе и легко поступить в университет. Думали, что и дальше учеба пойдет так же – сама собой. А тут, оказывается, преподаватели копают в глубину. И все же выехали на трояках. У Кати терпения хватало, она и во втором полугодии упорно училась. В летнюю сессию зачетку заполнили одни отличные оценки. Двоим хвостистам с дневного на пересдаче снова поставили неуды. Катя пошла в деканат. Отличная зачетка давала ей право просить о переводе. Декан ответил, что

вопрос непростой, сам он решение не принимает, даже если двоечников отчислят. Ректор был в командировке, а потом сразу ушел в отпуск. «Узнавайте, девушка, осенью», – сказали ей в приемной ректора.

Катя оставила заявление и уехала домой в не радужном настроении. Каникулы для нее были не каникулы, а так – не поймешь что. Одноклассникам, которые почти все приехали на лето к родителям, она ничего не сказала. Учится – и все.

Осенью приехала в университет, сразу в деканат. «Нет, заявление пока не подписали, загляните через недельку». Потом еще через недельку, и еще. Зато, когда в октябре Кате сообщили, что ее перевели на дневное, огромная радость переполнила ее. Ребята, которые только что вернулись с уборки картофеля, радовались не меньше ее. Кате Дубровиной даже место в общежитии выделили, ведь она была из многодетной семьи. И стипендию назначили. Она снова добилась цели, снова была победительницей.

Историческая наука по-настоящему увлекла студентку Дубровину. Чем глубже она в нее погружалась, тем больше убеждалась, сколько еще неизведанного. Ученые ищут, сопоставляют факты, спорят, чтобы доказать какую-нибудь одну дату из далекого прошлого. На научных конференциях для Кати эти дискуссии были интереснее, чем детектив в кино. А новейшая история и вовсе плохо изучена. Такова уж психология людей, и ученые не исключение: то, что близко, мо-

жет подождать. Екатерина Дубровина, еще не окончив университет, решила: будет поступать в аспирантуру. И это стало ее новой целью.

Во все времена в вузах отличительной чертой старшекурсников был свадебный переполох. Хорошая половина выпускников покидала альма-матер, обремененная семьями, а то и детьми. Четвертый курс истфака после зимней сессии как прорвало. Катя чуть не каждый месяц получала от подружек приглашение на свадьбу. Как водится, у невесты среди гостей всегда было больше девчонок, у жениха – парней. Не раз и не два после такой свадьбы рождалась новая пара. И вскоре всей гурьбой шли на свадьбу. Как это ни банально, с Катей Дубровиной произошло то же самое. На майские праздники однокурсники гуляли на очередной свадьбе. Друг жениха, Володя Марков, невестину подружку Катю выделил из всех сразу. Весь вечер не сводил с нее глаз и после свадьбы вызвался проводить ее. Провожать Катю вовсе не надо было. Доброму десятку девушек было по пути, все они жили в общежитии. Слегка навеселе, они были такие смелые, что ни один хулиган им был не страшен, несмотря на сгустившиеся сумерки. Но Катя не отказалась от предложения симпатичного парня, с которым не раз за вечер танцевала. Дорога к общежитию у них почему-то повернула в другую сторону. Пока они до него добрались, короткая майская ночь уже заканчивалась. Володе еще надо было топать домой на другой конец города.

Юноша влюбился с первого взгляда. Это было видно невооруженным глазом. Он каждый день ездил на свидания к Кате Дубровиной. Были у нее и раньше ухажеры. Робкие намеки бывших одноклассников, особое отношение со стороны некоторых однокурсников – все это было не то. А здесь настойчивое внимание, цветы, прогулки теплыми майскими вечерами в парках, где пьяняще пахло свежей зеленью. Да и что скрывать, Кате льстило то, что за ней ухаживает выпускник престижного радиофака из политехнического института. Там все ребята высочайшего ума. И это было для нее важно, с глупцом она не то что семью строить, просто общаться не смогла бы. Любовь любовью, а Владимиру Маркову надо было писать диплом и готовиться к госэкзаменам. Да и у Кати надвигалась сессия. Отличница Дубровина ни за что не хотела опускать планку. Разум возобладал, и свидания пришлось сократить. Виделись через день-два, скучали. Катя чуть не по часу простаивала у телефона-автомата на вахте общежития. О чем говорили, было неважно, лишь бы слышать родной голос.

Вот он, долгожданный диплом, в руках инженера Маркова. И зачетка с последней пятеркой летней сессии у Кати. Но упиваться радостью было некогда. Володе предстояли экзамены в аспирантуру. У Кати начались каникулы. Она хотела уехать, чтобы не отвлекать любимого от подготовки. Он взмолился:

– Не уезжай! Мне надо тебя хоть изредка видеть.

И она осталась. Устроилась на время отпуска вахтера общежития на ее место. Студенты разъехались, так что у нее было достаточно времени, чтобы перечитать все книги, которые откладывала весь год.

Осенью аспирант Владимир Марков сделал Кате официальное предложение. Его родители встретили невесту сына благосклонно. Их не пугало, что она общежитская. Их корни тоже были из российской глубинки. Петр Ильич Марков, пройдя фронт, выбрал путь военного. Служил в разных концах страны, чаще в маленьких городках. Лишь в последние годы, перед самой отставкой, полковнику Маркову посчастливилось осесть в большом городе. Это было кстати, Володе как раз надо было поступать в институт. И эту большую квартиру с высокими потолками в районе, застроенном в пятидесятые годы, Петру Ильичу дали за безупречную службу Родине. Вскоре он перевез сюда родителей. Старикам тяжело было жить одним в Заполярье, где и родился Владимир. Удалось удачно обменять двухкомнатную квартиру на Севере на однокомнатную в средней полосе России, рядом с сыном.

Володина мама, Лидия Васильевна, и вовсе имела за плечами четыре класса: в деревне была только начальная школа. Девочке пришлось рано начать работать. Потом перебралась в город на завод, где не хватало рабочих. Вышла замуж, работу оставила. Появились один за другим сыновья. На ней держался весь дом. А создать уют во временном жилище

там, куда забрасывал семью военного служебный долг, было непросто. Лидии Васильевне это удавалось. В доме Марковых всегда было тепло, чисто, на столе мужчин ждала вкусная еда. Вот только мечты об учебе сначала приходилось отодвигать, а потом вовсе оставить. Но кто не знал, ни за что бы не поверил, что Лидия Васильевна не оканчивала института, настолько она была начитанной.

Перед зимней сессией, сразу после Катиного дня рождения, сыграли свадьбу. В зачетке сверху над зачеркнутой строкой «Дубровина» вписали «Маркова». Однокурсникам пришлось привыкать к ее новой фамилии.

Молодожены поселились в просторной квартире Марковых. О другом варианте и речи не шло. Старший сын был военный, жил с семьей за границей. У Володи была своя комната, так что новый член семьи, невестка Катя, спокойной устоявшейся жизни его родителей не потревожила. Петр Ильич, уйдя в отставку, устроился на гражданской должности. Так что достаток в семье был, и стипендии детей благосклонно возвращались им на карманные расходы.

У Екатерины был отцовский характер – жесткий, своеправный. Но у нее хватало ума спрятать самолюбие: в чужой дом со своим уставом не лезут. К тому же Лидия Васильевна тактично умела посоветовать, направить Катю. Да и та, если свекра побаивалась, то душевное тепло и чуткость свекрови почувствовала сразу. Мудрая женщина дала Кате понять, что здесь, у Марковых, теперь ее дом, да и сама она Марко-

ва. Когда Катя, едва успев умыться, небрежно причесанная, в халате вышла к завтраку, Лидия Васильевна за столом ничего не сказала. Но вечером, когда невестка вернулась из института, она позвала ее на кухню, где готовила обед, и высказала замечание:

– Катя, ты обратила внимание, сегодня за завтраком все были прилично одеты.

– А что такого? Я же дома, и халат очень симпатичный.

– Боюсь, что твой вид шокировал Петра Ильича, поскольку я не позволяю себе плохо выглядеть. Ты молодая, тем более нельзя быть небрежной. И потом подумай, если мужчина дома видит непричесанную жену в халате, а на работе встречает модно одетых женщин, то в чью пользу он сделает выбор? Несомненно, ты очень красива, ну так и подчеркивай свою красоту.

Катя обиделась. Но свои замечания Лидия Васильевна так умело смягчила комплиментом, что девушка спрятала обиду. «Спасибо» не сказала, но и не огрызнулась, как непременно сделала бы, будь на месте свекрови кто-то другой. А потом поразмыслила и поняла: свекровь на сто процентов права. Халат навсегда исчез из гардероба Кати. Она надевала его только после ванной, чтобы пройти несколько шагов до спальни.

Лидия Васильевна ненавязчиво давала невестке уроки кулинарного мастерства. Да ей и самой хотелось научиться готовить изысканные блюда, многие из которых она попробо-

вала только здесь, у Марковых. Свекровь показывала, как правильно нарезать и отбить мясо, чтобы оно получилось сочным, что добавить в пюре, чтобы оно было нежным. Пирог у Лидии Васильевны были тоже вкусные, но не такие воздушные, как у мамы. Да и понятно, в квартире русской печи не было, как ни изворачивайся, в газовой духовке так не испечешь. Зато только у Марковых Катя узнала, как готовятся изысканные закуски и десерты, как красиво сервировать стол. Конечно, она не только наблюдала, но и сама засучивала рукава, когда свекровь колдовала на кухне. Скоро многие блюда у нее получались не хуже.

В квартире Лидия Васильевна поддерживала почти стерильную чистоту. Каждый день вытирала пыль, пылесосила, в кухне и коридоре мыла полы. Никто не видел, когда она стирала и гладила, но рубашки у мужа всегда были свежие, а белоснежные скатерти накрахмалены. Катя усвоила этот порядок, быстро поняв, что его нетрудно поддерживать: надо всего минут пятнадцать, чтобы вытереть пыль и пройтишь шваброй.

Прагматичные молодые люди решили отложить рождение ребенка. Владимир только начал учиться в аспирантуре, работал над диссертацией. Не оставила мечты после университета поступить в аспирантуру и Екатерина. Впереди у нее был диплом, волнение, куда получит распределение.

По поводу работы она волновалась зря. Выпускнице с красным дипломом предложили место на кафедре истории

в пединституте. Такая удача улыбнулась ей одной из всего курса. Конечно, дали только ставку лаборанта. Но ведь это было начало, на большее никто из новичков рассчитывать не мог. Поступление в аспирантуру Катя откладывать не стала. Сдала документы на заочную. Если с выбором заочного отделения после школы она ошиблась, то сейчас сделала это осознанно. Она не хотела терять хорошее место работы. После очной аспирантуры, даже защитив кандидатскую, можно ничего приличного не найти по простой причине – не будет вакансий. Зарплата у Кати была мизерная, не больше, чем стипендия у мужа-аспиранта. Но они жили у Марковых, и родители прекрасно понимали, что ребятам нужно помочь встать на ноги.

Прошло совсем немного времени, и все изменилось. Владимира Маркова взяли сразу ведущим специалистом в проектный институт, который работал на оборону. Он на этом материале защищал кандидатскую диссертацию и уже, что называется, совершенного был в теме. Екатерина получила должность преподавателя и начала вести семинарские занятия в нескольких группах. Так что в молодой семье, наконец-то, появился достаток.

Выбирая тему для диссертации, Екатерина подошла с тех же позиций, что и много лет назад, когда была первокурсницей: надо изучать историю тех мест, где живешь. Разумные поиски привели аспирантку на железную дорогу. В управлении железных дорог сначала удивились, а потом

заинтересовались предложением. Действительно, никто никогда не изучал, как строился их участок Транссиба, кто стоял у истоков. Наверное, о первой линии в мире или о пуске сообщения между Москвой и Петербургом знали больше, чем о своих родных местах. Перед Екатериной Марковой открылись ведомственные архивы. Она заказывала десятилетиями никем не востребованные документы в областных фондах. Находила потрясающие факты, фотоснимки начала двадцатого века. Встречалась с ветеранами, которые работали в довоенное и военное время. Собрался богатый материал и для научных обобщений, и для публичных лекций. Екатерину приглашали выступить на политзанятиях, которые были обязательны для всех работников. От нее сотни, если не тысячи, железнодорожников узнали историю отрасли, которой посвятили себя. Лекции оплачивались, и это стало хорошим приработком к основному жалованью институтского преподавателя.

Теперь можно было задуматься о своей квартире. И Катя задумалась. Почему не о ребенке? Это была большая тема. От глупого решения подождать с ребенком, которое они с Володей приняли сразу после свадьбы, буквально через несколько месяцев отказались. И даже совсем наоборот, они мечтали о малыше, непременно мальчике. Мечта никак не исполнялась. Катя знала, что она у мамы появилась только через пять лет после смерти старшего братика. Вполне возможно, что и ей уготована такая же судьба. Они с Воло-

дей были молоды и не отчаивались. Ну, а раз не обременены детьми, то делали карьеру. Почему бы не обустроить дом для будущих детей. Тем более что ей так надоело жить в рамках условностей, принятых в семье Марковых. Екатерина была слишком взрослой и самостоятельной, чтобы ограничивать свободу. А здесь, в чужой квартире, она вынуждена была это делать.

Казалось, получить свою квартиру было невозможно. Они распределялись по ведомствам, строго по очереди, в которую сложно было попасть, а потом приходилось ждать годами, если не десятилетиями. Грустных примеров было достаточно. Кандидаты наук, доценты переезжали из семейного общежития в квартиры, когда им было лет под сорок, а дети оканчивали школу. Екатерина так долго ждать не хотела.

К своей новой цели она шла поэтапно. Выписалась из квартиры мужа. Нашла одинокую бабушку и уговорила оформить прописку у нее в частном доме, конечно, за плату, и немаленькую. Теперь она считалась не имеющей жилья. И встала в очередь на квартиру. Как только услышала разговоры о строительстве кооперативного дома для преподавателей вузов, понеслась в профком и написала заявление. Она и не думала, где возьмет деньги на первый взнос. Главное сейчас было не упустить шанс быстро получить квартиру. Другого может и не подвернуться. Разговоры о доме имели под собой реальную почву. Причем строительство откладывать не стали. И Екатерину Маркову включили в список

на двухкомнатную квартиру. Радоваться надо, а она расстроилась. Ей непременно нужна была трехкомнатная квартира, пусть не такая большая и шикарная, как у Марковых, таких домов сейчас просто не строили, но все равно трехкомнатная. Ну что они в этой двушке будут делать, когда появятся дети? Одного желания было мало, оснований для большой квартиры у Екатерины не было: их же с мужем всего двое. Пока тасовали заявления и делили еще не построенные квартиры, появилось у Марковых основание. Катя, наконец, забеременела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.